

Наталия Ким

**ПО ФАКТИЧЕСКОЙ
ПОГОДЕ**

Самое время!

Наталия Ким

По фактической погоде (сборник)

«WebKniga»

2019

Ким Н. Ю.

По фактической погоде (сборник) / Н. Ю. Ким — «WebKniga», 2019 — (Самое время!)

«Автозавод», первая книга Наталии Ким, «яркая, сильная и беспощадно-печальная» (Дина Рубина), была встречена читателями на ура. Жители автозаводской округи и выходцы из нее восприняли книгу как литературный памятник своему незабвенному прошлому. Но прошлое сменилось настоящим, география новой книги Наталии Ким стала пошире, да и герои поразнообразнее. Тут и литредактор, и медсестричка, и сироты-инвалиды, и плечевые проститутки, и олдовые хиппи, и кладбищенские бомжи – люди всё хорошие, добрые, свои. «По причине избранности фамильной и наследственной» (автор о себе) Наталия Ким взялась их запечатлеть и увековечить, признаться им в любви, всех пожалеть и всех простить. И да, непременно будет «намечтанный, вымученный, сладкий эпизод оглушительного женского счастья» – потому что любовью к людям спасаемся, а как же иначе!

© Ким Н. Ю., 2019

© WebKniga, 2019

Содержание

Информация от издательства	5
От автора	6
Часть 1. По фактической погоде (эклектика)	7
Сеньора мочалка	8
Двухпальчик и дурачок	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наталия Ким

По фактической погоде

Информация от издательства

© Ким Н. Ю., 2019

© Состав, оформление, «Время», 2019

* * *

*Моим друзьям детства – Татьяне Валериус и Борису Мирзе, с
бесконечной любовью и благодарностью*

От автора

История того, как мой первый сборник рассказов «Родина моя, Автозавод» был принят читателями, оказалась неожиданным удивительным подарком, за что не устаю благодарить всех и вся. Я получила какое-то неописуемое количество откликов, в том числе от своих «земляков» по Автозаводу, от бывших соседей и их потомков. Отдельно упомяну письмо из Новой Зеландии – каким-то непостижимым образом маленькая книжечка добралась до той части земли и попала в руки людям, которые когда-то жили со мной бок о бок и помнят до сих пор некоторых персонажей, описанных мной в «Автозаводе». Благодаря книге я обрела родственников, о которых знала только понаслышке и упомянула косвенно в одном из рассказов, – они тоже прочли книгу и нашли меня в Сети, теперь мы общаемся через океан. Мне продолжают писать в социальных сетях, останавливают на улице родного квартала, задают вопросы продавцы книжных магазинов – все это какая-то фантастическая сказка о том, как из воспоминаний рождается литература и как книга, выпущенная в свет, отправляется в совершенно самостоятельное, никак не подконтрольное тебе плавание – то есть живет собственной жизнью.

Вторая книга для начинающего автора – это огромное испытание, особенно если первая почему-либо была отмечена читателями, ведь очень страшно облажаться. Сборник «По фактической погоде», как и первый, состоит из двух частей. Первую часть я озаглавила «Эклектика», потому что она содержит рассказы и зарисовки в совершенно разных жанрах; вторая – «Сюжеты» – это несколько десятков коротких, жестких историй. Мне было очень интересно и важно уйти от привычного уже «автозаводского» формата, и насколько это удалось – судить читателям.

Часть 1. По фактической погоде (эклектика)

Сеньора мочалка

Памяти Л. К.

Пенная ванна, крупные пузыри по воде там, где льется поток из крана, кран плоский и широкий. Тонны дрожащей, мерцающей мелкими-мелкими разноцветными огонечками пены, ее так приятно брать в руки, она плотная, из нее можно строить замки. А еще очень здорово намазать ее по локоть и думать, что у тебя такие удивительные перчатки, ни у кого таких нет. Маленькие неуклюжие детские руки изображают торжественный танец в перчатках. Потом танцевать наскучивает, и тогда можно погрузить голову в воду, тонут уши, перестаешь слышать все звуки, кроме текущей под слоем пены воды, снежные воздушные шапки вздымаются горами и вот-вот какая-нибудь лавина может сойти на детскую рожицу.

Девочка лет пяти завороченно всматривается из воды в огонечки, они кружатся перед глазами, образуют тоннель, голова тянет на дно ванны, веки наливаются песочной тяжестью, тепло и мыльные хлопья смыкаются, затягивают воронку, которая появилась, когда голова погружается... так волшебно, так чудно, так хорошо! Но тут в подводный дивный мир врывается резкий звук, дуновение воздуха – кто-то открыл дверь и вошел в ванную, и слышен глуховатый женский голос:

– Ку-ку! Куся, ты захлебнешься, глупый кур! Давай-ка вылезай. Пора мыться.

Девочка нехотя выныривает, она не готова так вот сразу покидать свою пенную сказку.

На маленькой табуретке возле ванны сидит миловидная женщина лет тридцати. У нее короткие кудрявые волосы и очень яркие зеленые глаза, на ней водолазка темно-травяного цвета, она закатала рукава. Говорит очень тихо, но так чудесно улыбается, что девочка сразу начинает улыбаться в ответ:

– Лика, играть! Играть в сеньору-мочалку!

Женщина притворно вздыхает, соблюдая ритуал, – она должна отказываться, а потом сдаваться:

– Куся, ты уже большая девочка, только малыши играют с мочалками! Большие девочки должны дать мне потереть спинку...

– ...не спинку, не потереть! Играть в сеньору, а еще поискать мышек между пальчиками! Лика, ну пожалуйста, ну немножечко, ну один последний-препоследний разик!

– Ну ладно... мыряй тогда!

Девочка плюхается в воду, счастливая от их тайного «глупского» слова «мыряй» – она ведь и знает, что так неправильно говорить, но это специальное игрательное их с Ликой слово, это важно. Лика снимает с протянутой под потолком веревки нечто похожее на тонкий шершавый шарф нежно-голубого цвета. Когда-то голландская корреспондентка, приезжавшая к Кусиному папе брать интервью, подарила им это чудо – японскую мочалку. Среди грубых растрепанных веников настоящего мочала и на фоне пористых морских губок цвета мокрого кирпича, привезенных кем-то из папиных учеников с Камчатки, загадочная японка выглядела очень изящно. Лика завязала на одном конце узел – получилась как будто голова с короной – и стала медленно змеиными движениями «плавать», приближаясь к Кусиному подбородку, мелко дрожащему от еле сдерживаемых смеха и визга, пришепетывая и присвистывая:

– Кто тут выззззывал сссеньору мочалку? Я пришшшшла... я вижу кого-то очень-очень замурззззанного... мне кажется, тут есть какие-то пятки, ссссейчас проверим... – «сеньора» нырнула, ухватив большой палец правой Кусиной ноги, и начался обычный хаос с воплями, брызганьем, оттиранием пяток, ловлей «грязных мышек» между пальцами детских ног.

Хохочущая Лика в абсолютно промокшей водолазке наконец отмыла девочку, завернула ее в огромную полосатую махровую простыню, взвалила на плечо, «как куль картошки» (это

тоже обязательно надо было произнести вслух), и понесла в кровать, не забывая при этом бубнить что-то про безобразно грязных негодяек, которым тетушка Пемза в следующий раз непременно «начистит хрюльник».

Куся обожала мамину подругу Лику, тянулась к ней больше, чем к любым другим людям, бывавшим в их открытом хлебосольном доме конца 70-х, интеллигентском гнезде застолий, мордобойных споров, пьяных песен, горячих теологических баталий, салонных бесед, вернисажей и поэтических чтений. Взрослых в жизни маленькой Куси было гораздо больше, чем детей, – в садик родители ее не отдавали, оставляя на попечение бабушек, и Лика была главным взрослым в ее жизни помимо родителей.

Лика говорила едва слышно, почти под нос, но все равно лучше нее никто не читал вслух «Карлсона», особенно часть про дядюшку Юлиуса, третью, самую Кусину любимую. Почему-то Лике как никому удавалось так говорить за всех персонажей, что великолепная детская пластинка с Литвиновым-рассказчиком и даже мультик с неподражаемым Ливановым-Карлсоном не затмевали для Куси Ликино исполнение. Ее присутствие было Кусе необходимо, с ней рядом можно было не бояться даже когда застенное застолье входило в самую развесело-пьяную стадию и Кусин дед, бывший политзэка, регулярно исполнял песню, вгонявшую засыпающую за стенкой Кусю в ледяной ужас: «Динь-бом, динь-бом, слышен звон кандалный...» Бывало, что Лика не приходила в такие дни, и Куся лежала в комнате одна после прощального маминого «спокойной ночи» и горько плакала. Ей казалось, что именно она виновата в том, что творится за стеной, именно из-за ее непослушания, несъеденной на завтрак каши, продырявленных случайно колготок и нечищенных зубов взрослые по ту сторону стены ведут себя так странно, так неприятно, они смеются и кричат как маленькие, но они совсем не играют и им вовсе не так уж весело... «Завтра я начинаю новую жизнь, – повторяла девочка услышанную раз от папы фразу, – я буду всех слушаться, и больше они не придут и не будут пить водку и петь...» Но все со временем повторялось, и только спасительная Лика, кажется, почему-то понимала, как девочке все это тяжело.

– Лика, – спрашивала Куся, изо всех сил стараясь не засовывать в рот большой палец, – почему вот «динь-бом» там поют в такой жуткой песне? Это же для детей такое волшебное, ну в сказках, это детские слова, а их туда засунули...

– Не знаю, – помедлив, отвечала Лика, – может быть, эти люди, про которых поют, они ведь идут на каторгу... ну, в такое место, где на них надевают цепи и они должны таскать тяжелые камни... вот так специально про себя сочинили, чтобы не было страшно идти и слушать этот звон кандалов, в смысле – цепей...

– Лика, а я, когда вырасту, тоже должна буду петь эту песню, все взрослые должны ее петь?

– Ну ты прямо как Малыш! Помнишь, он спрашивал маму, надо ли ему будет жениться на старой жене своего брата? Ты будешь петь только то, что захочешь сама. Взрослым, Кусь, живется довольно трудно, но зато они могут позволить себе выбирать, что им петь... хоть и не всегда.

– А тебе она нравится, эта песня?

– Мне не нравится, что ты до сих пор не спишь и задаешь глупышковые вопросы. Давай-ка, ежик, иголки на бочок – и молчок. А я буду тебя за ушком чесать. – Лика подоткнула одеяло вокруг Куси и подложила ей любимую спальную игрушку, когда-то сшитую одной из бабушек, – лохматого ежа.

– У ежей разве есть ушки? – с сомнением оглядывала ежа Куся. – Смотри, нет ушков! И хвостика у них нету!

– Зато у них есть глазки, и сейчас ежики их закрывают крепко-крепко. Спи, Кусятина моя, спи сладко.

– А ты не уйдешь, пока они там... поют?

– Не уйду, не волнуйся. Спи! – Лика целовала девочку в кончик носа и убавляла свет, ночник начинал жужжать, а Кусины глаза слипаться.

Лика сидела рядом, пока не убеждалась, что девочка крепко спит. После чего возвращалась в соседнюю комнату и только после этого позволяла себе выпить рюмку-другую... и третью... и тоже вливалась в хор нестройных пьяных голосов, но Куся несколько блаженных детских лет ничего этого не замечала, а когда подросла, ей уже не бывало так страшно от застенного пения. Впервые увидев пьяную до бесчувствия Лику, девочка испытала ощущение чудовищного разочарования и брезгливости, с которыми пыталась бороться потом до конца Ликиной жизни, чувствуя при этом горючую вину перед таким близким и родным когда-то человеком, упасавшим ее от ночных кошмаров.

От мамы Куся слышала, что Лика была когда-то очень талантливым физиком, закончила аспирантуру МГУ, подавала блестящие надежды. Она работала в одном из самых популярных в советской стране научных журналов, занимая не последнюю должность. В редакции ее обожали, родители ею гордились, Лика была красивой, нежной, скромной и очень интересной молодой женщиной, старики мечтали о внуках и навязчиво заводили разговоры о том, что уже пора бы, пора... Ликин папа, военный, герой-фронтовик, в глубине души много лет надеялся, что Лике понравится сын его сослуживца, вундеркинд-шахматист-полиглот, они так подходят друг к другу, ахал старик. Но Лика снисходительно улыбалась и мягко отказывалась от предложений полиглота сходить с ним в театр на Таганку или в мастерскую известных художников-авангардистов посмотреть на двухметрового Христа, спаянного из кладбищенских оград. У Лики была своя личная жизнь, которую она сохраняла в тайне от родителей, понимая, что правда может привести кого-то из них к инсульту – возлюбленный Лики был старше нее почти на четверть века, страшно пил и вел самый антисоветский образ жизни.

Лика, сама не зная того, повторяла судьбу Марины Влади, которая, по рассказам, пила вместе с Высоцким, чтобы тому «меньше досталось». Лика глотала водку наравне со своей любовью, но угнаться за матерым мужиком ей было не под силу. Все свободное время Лика проводила с ним, они мотались по всей стране, снимали какие-то халупы в Орджоникидзе, жили на веранде у старых крымских татар в Коктебеле, искали и легко находили «вписки» в Дубне, Киеве, Дербенте, Риге, Оймяконе, Архангельске, Тбилиси... Если бы не родители, Лика бросила бы работу, но ей очень не хотелось их тревожить и огорчать, она всегда была хорошей, послушной и заботливой дочкой. Поэтому Лика старалась на работе делать много чего вперед, чтобы потом набрать отгулов и рвануть за своей истовой любовью туда, куда тому пригрезится...

Так продолжалось много лет. Лика сделала за это время десяток аборт. Врачи давно приговорили ее – детей не будет. Быть может, поэтому Лика так возилась с Кусей – она отдавала ей всю свою нерастраченную нежность, все свое желание быть нужной кому-то, кто любит ее просто так, светло и легко. Отец Лики умер, мама много болела. Что Лика спивается, друзья и родные поняли слишком поздно, впрочем, даже если бы они заметили это раньше, едва ли бы смогли изменить ход событий. Ликин мужик в пьяном угаре гордился перед одноразовыми собутыльниками: «Я споил Лику и Басю!» Бася – его официальная жена, кроткая женщина, боевая подруга в горе и в радости, которую тот оставил ради юной Лики. Тут он был прав – Бася спилась раньше них всех, став к концу жизни практически блаженной, отойдя тихо, незаметно, необременительно ни для кого. Лика страшно горевала – в этом чудовищном вертепе изломанных судеб Бася была поистине воплощением любви и преданности, она и Лику любила искренне, жалела ее, прикладывала капустные листья к переливающимся всеми цветами синякам на лице, оставленным их общим мужиком, жалобно шепча какие-то утешительные слова.

Возлюбленный Лики пережил Басю едва на полгода и умер во время приступа «белочки» – огромный, грузный, заросший мохеровой сединой. Кусю на эти похороны не взяли, отправили на несколько дней к другой маминной подруге, у которой было трое детей. Там

Куся обрела новый покой и новую стальную защиту, в этой семье за стеной не пили, не пели страшных песен, не дрались, с детьми обращались уважительно и спокойно. Куся прикипела душой к этому дому и оставалась там ночевать с радостью и тайным облегчением.

Ли́ка в Кусином доме появлялась все реже. Она сошлась с ближайшим другом своего покойного возлюбленного, человеком очень порядочным, добрым и мягким, но опять-таки сильно пьющим. Ли́ка перебралась жить к нему в Подмоскowie. На работе она давно уже числилась простым курьером, ее держали из жалости и из большого уважения к бывшим талантам и заслугам. Изредка в моменты просветов она приезжала в редакцию и пыталась чем-то заниматься, ей было очень важно, что она до сих пор числится в штате, то есть имеет официальное место работы, какой-никакой статус... Ли́ка отвозила какие-то бумажки по нужным адресам – и пропадала на неделю и больше. В какой-то момент в журнале сменилось руководство, новое первым делом вымело Ли́ку с работы, и бывшие коллеги, сколько могли, скрывали это от нее, скидываясь Ли́ке на «зарплату» и давая ей «редактировать» какие-то прошлогодние гранки.

Когда Кусе исполнилось шестнадцать лет, ее родители уехали на целый месяц за границу – впервые приоткрылся железный занавес, и советские граждане потихоньку стали совершать еще недавно совершенно невозможное – пересекать границы, заново обретая уехавших по разным политическим, религиозным и прочим причинам родных и друзей. Куся впервые надолго осталась одна, наслаждаясь свободой и безнаказанностью, нагло прогуливала школу, покупала запретные чебуреки, запивала их советского производства пепси-колой, курила «Честерфильд» из маминой заначки, приглашала в гости хипповских друзей и крутила с ними диски. Эти «сейшны», как тогда называлось то, что нынешние тинейджеры именуют «тусами», отчасти были похожи на родительские, музыка и песни поколения 80-х, как и музыка предыдущих поколений второй половины XX века, несли в себе сложный заряд противостояния всем существующим запретам и системам, отрицания любых авторитетов, косности и консерватизма и яростного, открытого желания любви во всех ее проявлениях. Куся со случайными знакомыми и старыми друзьями отрывалась от души, ей не наскучивало и не было тревожно.

Во время одного такого «сейшна» раздался телефонный звонок, и Куся, поколебавшись, все же взяла трубку. Звонили из ближайшего отделения милиции, дежурный говорил, что они подобрали у метро женщину, которая не может назвать своего имени, но четко называет Кусин домашний телефон в ответ на вопрос, где она живет. И что хорошо бы кто-нибудь пришел и забрал ее, а то вонь стоит на все отделение. Куся быстро выпроводила гостей, взяла на всякий случай паспорт и побежала в милицию.

Она даже не сразу узнала Ли́ку, они не виделись к тому моменту несколько месяцев. Только пронзительные ярко-зеленые глаза с крошечными точечками зрачков на абсолютно синюшном лице напоминали прежнюю красавицу. Куся тащила ее домой, еле сдерживая рвотные позывы, – запах действительно был чудовищный. Ли́ка послушно переставляла ноги и молчала. Дома Куся заставила ее раздеться и посадила в ванну. Худенькое хрупкое тело в разноцветных синяках, выпирающие ребра, камушки позвоночника – все это Куся с остервенением отдраивала все той же «сеньорой мочалкой», от которой остался один крепкий кусок. Удивительно, тело-то как у молодой, автоматически отмечала Куся, кожа прекрасная, руки вон до сих пор какие красивые... Она дважды вымыла Ли́ке голову заграничным яблочным шампунем, насухо вытерла жестким полотенцем и одела в чистое – частично свое, частично мамино. Ли́ка по-прежнему молчала и только курила одну сигарету от другой. Куся сварила кофе, Ли́ка к нему не притронулась. Куся не знала, о чем говорить и что спрашивать, больше всего на свете ей хотелось, чтобы поскорей настало утро и Ли́ку можно было отвезти домой, к ее старенькой маме Валюше. Подростку Кусе не было жалко эту когда-то такую родную и любимую женщину, она исполнила некий свой долг и не желала больше иметь отношения к происходящему. Она отвела Ли́ку в постель, набросила поверх одеяла большую старую шубу,

подумала и подоткнула ее со всех сторон, едва ли осознавая, что пришло время – и она поменялась с Ликой местами.

Наутро Куся Лики в доме не обнаружила, та ушла, тихо защелкнув замок. Пропала только пачка сигарет. Маме, позвонившей вечером, Куся ничего не рассказала, ей было немножко стыдно своего чересчур откровенного отвращения по отношению к Лике, которое Куся не потрудилась скрыть от нее...

Два десятка лет спустя мы видим уже совершенно взрослую Кусю, мать двоих маленьких детей, снова несущуюся куда-то, чтобы изъять из отделения милиции или приемного покоя полуживое существо, которое когда-то было Ликой. Мама Куси перед смертью умоляла дочь не оставлять подругу – последнее время Кусины родители ее полностью содержали вместе с мамой, чью пенсию Лика пропивала в три дня. Куся честно дважды в месяц принимала Лику у себя на кухне, по-прежнему каждый раз варила ей кофе, от которого Лика отказывалась. Она ничего не ела, давно получая калории исключительно из водки. Разговор состоял из пауз, и наконец Куся доставала какие-то невеликие деньги и вручала Лике, после чего та немедленно начинала собираться домой. Иногда Куся звонила ее маме и выслушивала жалобные тоненькие трели о том, как Лика водит домой каких-то алкашей, которые разбили унитаз, украли иконы, тушили бычки в горшке с фиалками; как притащила с помойки котенка и он все время орет от голода; как пропадает иногда днями и ночами и забывает перестелить маме простынку и оставить водички, и она вся в сраме и гадости... Куся собиралась и ехала на улицу с обманчиво уютным названием Старый Гай, входила в вонючую темную квартиру и нередко спотыкалась о спящую на пороге незапертого дома гундосо храпящую Лику, меняла белье Валюше, кормила озверевшего от голода кота, выносила мусор, отмывала развалины сортира... На Лику она не тратила времени, ей важно было сварить жидкую кашу, покормить Валюшу и скорей, скорей бежать на воздух из этого ада, задавая себе один-единственный вопрос: когда же была пройдена эта точка невозврата, когда Лика еще могла остановиться, задержаться в человеческом образе жизни?.. Она не понимала, зачем ее мама столько лет давала Лике денег – ведь давала-то, получается, только на водку, вместо того чтобы попытаться ее вылечить и спасти, и безусловным оправданием для почившей мамы была мысль о том, что та самая точка была пройдена давным-давно, и мама очень старалась, но просто не справилась...

Так повторялось много раз, пока Кусе не позвонили из «Склифа». Незнакомый мужской голос сухо сообщал, что поступила больная Валентина Владимировна К., попытка суицида путем употребления уксусной кислоты. «И рука сломана, свежий перелом, похоже, упала бабуля», – добавил доктор. Руку, как выяснилось вскоре, маме сломала пьяная Лика. Как удалось Валюше, какие отчаянные силы помогли ей, беспомощной и полупарализованной, доползти до кухни и выпить смертельную жидкость – остается только гадать. Беременная третьим ребенком Куся потащила в «Склиф», где полтора часа простояла, дрожа от холода, в каком-то подвале с другими замершими от горя родными суицидников-подростков. К этой фoniaщей ужасом и бессилием кучке людей вышел врач средних лет с серьгой в ухе. Устало глядя перед собой, он наткнулся взглядом на Кусин дынеподобный живот и закричал остревелым истерическим криком: «Вон! вон отсюда! С ума сошла – ребенка сюда тащить! чтоб я тебя тут больше не видел! Что ты мне суешь, какой боржом?! К кому ты?.. к К.?.. Не надо ей уже ничего, 80 % пищевода обожжено!!! пусть кто-нибудь другой, давай, двигай отсюда!!!» – и взащей вытолкнул Кусю из подвала.

Валюша скончалась на следующий день. Куся с мужем занимались похоронами, Ликины подруги помогли. Лика в основном сидела во дворе, тупо глядя перед собой узенькими щелками опухших глаз, не просыхая ни на секунду. В крематории она заснула, и Кусин муж с еще одним человеком тащили ее в машину, отвозили домой, где ждала дальняя родственница Валюши, приехавшая из Орска и доселе не появлявшаяся, – она напоминала такого маленького кроткого коршуна или шакала, безусловно нацелившегося на квартиру, ибо Лике, по все-

общему мнению, оставалось недолго. Она, эта Инна, уверяла всех, что присмотрит «за деточкой», однако не выдержала и двух недель подле агонизирующей Лики, укатила в Орск, оставив на случай «как что уже случится» свой телефон Куся.

Через несколько месяцев, под Новый год, Лика попала в больницу – какие-то сердобольные люди на улице вызвали «скорую», которая отвезла ее в 15-ю. Те же люди позвонили Куся, которая недавно родила. Куся вошла в огромную, на четырнадцать человек, палату. Ликина койка стояла ровно посередине. Ярко-желтая трезвая Лика лежала, с интересом глядя вокруг. Она попросила Кусю поменять ей памперс. Куся ловко орудовала влажными салфетками, бегала мыть судно, а потом в коридоре все же дождалась врача, выслушала знакомые после деда слова «цирроз печени» и «вопрос нескольких дней». Куся вернулась в палату. Лика пила воду из бутылочки. Куся спросила Лику, не хочет ли она креститься. Та не ответила, уставившись в точку в районе Кусяного правого плеча. Тогда Куся пообещала, что вернется завтра со священником, заставила себя поцеловать Лику в лоб, тут Лика взяла ее за руку и потянула вниз, чтобы Куся села обратно.

– Ты Мурзилу моего покорми, пожалуйста, – тихо попросила Лика. – Он уже три дня там один. Инна обещала приехать, ей отсюда звонили, но... и ты знаешь что – в шкафу на полочке сверху – там возьми себе... давно лежит, все забывала тебе отдать.

Куся обещала, но про себя решила, что поедет к коту только после того, как отец Валерий, давний друг, совершит таинство. На следующий день они вместе с бабушкой ехали на его машине в больницу, Куся везла новую белую майку, полотенце и крестик из Иерусалима – ей казалось, что это таким образом похороненная там мама передает что-то своей несчастной подруге. Еще даже не войдя в палату, из коридора Куся увидела, что Ликина кровать пуста, на подушке остались пятна крови. Ой, что было, наперебой загалдели соседки, она вдруг вся винтом завертелась, стала кричать кому-то, чтобы ее не трогали, чтобы убрали когти, что ей больно – ну как же, не пила столько, психоз делириумовый начался, конечно, – ох крутило ее, ох билась она обо все и всех, кричала криком, а глаза зеленые, такие адские, такие жуткие, ой отмучилась без креста, сердешная, ну да бог с тобой, девочка, уезжай, у тебя делов-то поважнее полно, вон пятна на майке – молоко встало колом уже, небось!

На похороны Куся не поехала, потому что предвестники родов всю давали о себе знать. Одна бывшая коллега Лики прислала ей фотографии с кладбища – Куся поразилась, сколько народу пришлось хоронить, кажется, давно всеми забытую Лику. Она, наверное, очень бы удивилась, если бы увидела, сколько пришлось пожилых мужчин, сколько из них плакало над телом совершенно неузнаваемой Лики, чье желтое лицо осталось искажено нечеловеческой мукой...

Куся позвонила через неделю после похорон Лике домой и, как и рассчитывала, застала там деловитую Инну. Та не была ей рада, она уже всю готовила квартиру к продаже, но приехать разрешила. Куся приехала, еще раз осмотрела знакомую до каждой черточки на старом паркете Ликину комнату, посидела на кособоком зеленом диване. Вот покрытые пылью книги – Сартр, Толстой, Искандер, так и не открытый новенький Борис Виан. Вон любимая «агашка» – зачитанные, замусоленные по краям томики Агаты Кристи. Полная окурков пепельница в виде бочки. Из-под «вольтеровского» кресла торчит рыжий кошачий хвост. На шкафу громоздятся картонные коробки с надписью «фото» и «посуда». Куся открыла шкаф – и мысленно ахнула. На полках аккуратными стопками лежали вещи – новые джинсы с бирками, футболки, свитера, постельное белье в хрустящем целлофане – все это дарила Лике Кусяна мама еще сколько лет назад! Ничего этого не нужно было Лике уже тогда. Куся пошарила на верхней полке и у стенки нашупала небольшой пакет. На нем фломастером было написано: «Кусеньке». И в Кусяны руки из пакета выпал изящный тонкий шершавый шарфик – японская мочалка. Точно такая же, как в детстве, только розовая.

– Инна, что вы будете делать с Мурзиком?

– Да кормлю пока, а как купят квартиру – на лестницу отправлю, куда мне его, не с собой же тащить, у меня своих две, да и поганый он – глаза в гноище, изо рта воняет...

– Я заберу его.

– Иди ты! Оно тебе надо? Ну мне не жалко, что мне-то...

Куся с трудом отловила психованного драного кота, запихала его в хозяйственную сумку и поехала домой. По дороге кот притих, а Куся думала, что на это скажет ей семейство, особенно муж-аллергик. У подъезда Мурзик очнулся и какофонически заорал. Куся поставила сумку на асфальт и полезла за ключами, в это время кот вывинтился из разошедшейся на сумке молнии и рванул к помойке. Куся заплакала.

На следующий день Мурзика нашла уборщица Кусяного подъезда, восхитилась ярким необычным окрасом поганца, при помощи ласки и селедочных голов приманила и приютила у себя дома окончательно, за что Куся и по сей день каждый квартал покупает ей мешок кошачьего корма.

Розовую сеньору-мочалку Куся долго прятала сама от себя, как и небольшой чемоданчик с семейными Ликиными фотографиями – тетка Инна сказала, что все равно толком не знает, кто там на них, больше и некому разбираться, а ей не надо. Дети случайно наткнулись в шкафчике на японский пакетик и раздербанили содержимое, вплетя в какую-то случайную игру. И так когда-нибудь они или их дети обнаружат заткнутый на антресоли фанерный чемоданчик, подаренный когда-то Лике ее возлюбленным, бывшим зэка, – с этим чемоданчиком он вышел на свободу в 53-м году и шел сотни километров пешком к своей семье. Но об этом Кусяны внуки уже никогда не узнают, глянут внутрь, пожмут плечами и без сожаления выбросят эти последние свидетельства отдельно взятой человеческой жизни.

Двухпальчик и дурачок

Кусин дед обожал воблу. Маленькой Кусе давали кусочки, она их деликатно гоняла во рту, а потом шла закапывать в горшки с алоэ; туда же отправлялись вареная цветная капуста и прочие пенки от молока. Через некоторое время алоэ стало источать запахи, преступление вскрылось, и больше Кусе есть в комнате не разрешалось, чтобы она не сгубила оставшиеся растения. От воблы деточке доставались плавательные пузыри, ну то есть она с годами только узнала, что они так называются, а тогда это были такие волшебные штуки, Куся в трехлетнем возрасте их запускала плавать в миске с водой. Еще чуть старше, то есть годам к шести, она вставляла их в пластилиновые домики, это были окна, как раз Куся слушала какую-то пластинку, где рассказывалось, что вот давным-давно бедные люди вместо стекол вставляли бычьи пузыри. Девочка играла, что воблы – это такие маленькие плавучие быки, рыбаки их долго не могли поймать, а потом вдруг окружили целое стадо – а все для того, чтобы наконец можно было из дома на улицу смотреть.

Папа и дед Куси курили папиросы «Беломор» и «Казбек», бабушка тоже, а мама все-таки сигареты, болгарские «Опал» или «Родопи». Говорилось – не забудь, купи «родопу», и внучка с бабушкой выходили за сигаретами и еще «за бормотушкой». Куся так и объясняла остолбеневшим соседкам, которые интересовались маршрутом: куда, мол, деточка, направляетесь в такую рань? «С бабуской за болмотуской», – честно отвечала деточка. А с дедом они ходили за пивом через железную дорогу в ларек. Он брал авоську, такой ни у кого не было, не из ниток, а из цветной лески – синей и белой. Ее можно было смякать в маленький кулек, а потом она растягивалась до размеров трехлитровой банки пива. В очереди дед много и громко беседовал, размахивал руками, Куся всегда боялась, что он разобьет банку. На обратном пути он давал Кусе семечек, они шли и плевались, кто дальше, Куся всегда выигрывала. Иногда она тихенько тягала в свои игры эту авоську – это была, понятно, рыболовная сеть.

Еще на Кусиной кухне имелись два прекрасных предмета – чугунный старый утюг (это был пароход) и железная подставка, как сейчас бы сказали – трансформер: у подставки были пластмассовые синие круглые ножки, вытягиваясь, она превращалась в крокодила о двух носках. Вот, мысленно плавая на «утюге-пароходе», Куся забрасывала «сеть» на пол, в нее попадался «крокодил», дальше она его пыталась – отвинчивала ножки, он плакал и говорил, что больше не будет, причем он ни в чем конкретном не был повинен, а фраза «я больше не буду» вмещала сразу все представляемые Кусей проказы и безобразия. Тогда Куся милостиво привинчивала ему обратно конечности и выпускала в свободное плавание на стол.

Авоську в результате постигла грустная участь, точнее, не столько сумочку, сколько Кусю – она взяла ее играть на улицу, и авоську немедленно отобрал Кусин сосед Женька Двухпальчик. Это был мальчишка парой лет постарше, у него на каждой руке и ноге было действительно по два только пальца – это, объяснял он, батя мамку бил по пузу, когда я там сидел. Во дворе взрослые Двухпальчика звали уродом, а девочки крабиком. Ноги Женька показывал исключительно за деньги, но Кусю и от рук его охватывал такой ужас, что даже великодушное предложение позырить бесплатно не прельстило. Тогда он оскорбился и отнял авоську: я, говорит, ею буду голубей ловить и жарить их потом в гаражах. Двухпальчик растянул сеточку и каким-то образом ухитрился ее порвать, она мгновенно расплелась, и он швырнул, шипя, на снег ничемные куски лески, пнул Кусю острым коленом в живот и ушел. Куся, рыдая, приволокла веревочки домой и немедленно спряталась в кладовке за бабушкин старый сундучище, потому что боялась дедова гнева, и правильно, ибо дед рычал в ярости и собирался пойти выяснять отношения с Женькиным батей, но Кусины папа с мамой его как-то удержали. Оказалось потом, что это кто-то из дедовых солагерников сплел авоську и подарил ему, вот дед и переживал. Дома еще лежали в специальной шкатулке вышитые крестиком закладки и две

ручки от ножей – сами ножи почему-то сломались, а ручки, очень красиво вырезанные, хранились – это тоже были подарки его соседей, Кусю учили, что это семейные реликвии...

Зеленый лук на Кусиной кухне жил в банках с водой, пускал корни и стрелочки. Дед любил яичницу с зеленым луком на сале, поэтому бабушка выращивала этот лук. Кроме лука и алоэ, растений в доме не было. Потом появился роскошный праздничный амариллис – папа подарил его Кусе на 1 сентября, когда она пошла в первый класс – красные граммофончики. Куся тщательно измеряла длину стебля, на котором потом они расцветали, записывала в книжечку, любовалась и гордилась.

Во втором классе Кусе велели принести для урока природоведения что-нибудь, что растет дома. Амариллис родители не разрешили взять, алоэ было гигантским, поэтому Куся, погибая от конфуза, притащила одну из луковиц, и над ней истерически смеялся весь класс. Куся страдала от унижения, тем более, что ее соседка по парте, например, предъявила белую фиалку с красными мраморными прожилками – это они с бабушкой поливали цветок мясным соком: положишь мясо размораживаться, а потом этой вот водичкой... Земля из того горшка, кстати, пахла не лучше, чем Кусин алоэ с похороненными в земле кусочками воблы. Победил мальчик, который скромно представил шикарный цветущий пушистый кактус. У мальчика шапка была с зеленым пушистым помпоном, точь-в-точь как тот кактус. Куся ему об этом сказала, он аж побледнел от злости и сказал Кусе, что она дура луковая.

Когда грустная Куся возвращалась домой после этого позорного урока с луковицами, то увидела, как отец лупит Женьку Двухпальчика прямо перед подъездом, как говорится, смертным боем, Женька уже даже скулить перестал, голова у него моталась из стороны в сторону на тонкой синеватой шее, на которой отпечаталась мужицкая здоровая пятерня. Это было так страшно, что Куся чуть не описалась и убежала в детский сад – переждать, пока все кончится. От переживаний заснула на скамейке, где ее и нашла воспитательница детского сада в пять часов вечера, когда вывела старшую группу на прогулку. Родители к тому моменту чуть не сошли с ума, точнее мама с бабушкой, ибо Кусяного папы не было в Москве, они бегали с милицией и искали ребенка. Кусю нашли, целовали и одновременно давали подзатыльники, засунули в ванну. Бабушке Куся рассказывала про луковицу и Двухпальчика, но та совсем не слышала ее и только говорила: «Грей, грей рученьки свои, свои грей...»

Бабушка выпивала каждый день понемножку. Будучи тихим алкоголиком, она никогда в жизни не повысила на Кусю голоса, но и оставлять деточку на бабушку родители не решались, хотя маленькая Куся ничего про это не понимала. Бабушка вечером смотрела программу «Время», потом шла «мыть зубы» и ложилась спать. Куся не засыпала, пока бабушки не было рядом, этот проговоренный ритуал: «Ты сейчас идешь смотреть «Время»? – Да, золотко. – А потом мыть зубы? – Да, моя хорошая. – А потом спать ко мне? – Конечно, детка!» – потом уже, после бабушкиной смерти, спасал Кусю последующими одинокими страшными ночами, она очень боялась снов, в которых к ней приходил Женька Двухпальчик и еще один ужасный персонаж ее детства – Машка-дурачок.

Машка был сыном почтальонши, Кусе из ее пятилетнего возраста виделся стариком, на самом деле это был дядька слегка за тридцать, со смуглым лицом и редкими разрушенными зубами, черными сумасшедшими глазами и отвратительно ярким красным ртом. Кусе говорили, что вот, когда Машка-дурачок был маленьким, то не слушал маму, зимой бегал без шапки, заболел менингитом – и остался навсегда пятилетним ребенком. Куся давала клятвенные обещания родным, что никогда-никогда не будет ходить без шапки и всегда станет слушаться родителей. Машка – на самом-то деле его звали Михаилом, презрительное прозвище было дано, конечно, глумливыми мужиками – часами простаивал в Кусяном подъезде, мотая веревочку на катушку из-под ниток, каждого входящего он спрашивал, когда тот ему, Машке, принесет конфетку. Кусяны бабушка и мама всегда ласково сулили дурачку сладость, и Куся все с интересом ждала, когда же они выполнят свое обещание, но родные почему-то ничего

Машке не несли. Машка не был агрессивным, но все же Куся побаивалась даже в подростковом возрасте входить в подъезд, когда он там стоял, мотая веревочку, ждала кого-нибудь из взрослых, чтобы проскользнуть с ними вместе. Она внутренне всегда напряженно ждала чего-нибудь очень страшного в связи этим Машкой, и это произошло, когда Куся было лет тринадцать. Тогда еще лифты открывались вручную, а сама шахта была ограждена железной сеткой, в дверях лифта имелись стеклянные окошки, так что можно было видеть, какой ты проезжаешь этаж. И раз Куся, поздно возвращаясь из художественной школы, села в лифт, поехала и вдруг увидела прижавшееся к сетке жуткое оскаленное рычащее лицо, шершавый змей ужаса и омерзения словно придушил Куся, лишив ее возможности даже сипеть. Она не сразу осознала, что видела всего-навсего дурачка Машку, и еще не раз просыпалась после от собственного стога – ей снились чудовищная гримаса, вжавшийся в железную сетку красный язык, рваные мокрые губы и бешеные глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.